

витрин уцелело только три» (цит. по книге Семёновой «Огонь и пламя»). Это не прямая речь Преображенского, а её пересказ Денисова-Уральского в письме к Быкову. В числе прочего художник пишет: «Профессор Преображенский мне ответил, что груз действительно принят, благодарит почему-то за щедрый дар (?)...»

Да, это тот самый профессор Преображенский, который открыл в Прикамье и нефть, и калийное месторождение. Но это будет чуть позже, а тогда, в 1923 году, когда писалось письмо, он работал в Пермском университете и был директором минералогического музея. В 1918 году он был далеко от Перми, в 1920 году, (к которому относится вторая неофициальная версия появления коллекции в Перми), впрочем, тоже. Он был министром образования в правительстве Колчака, а в ПГУ оказался волею случая — местные профессора взяли его на поруки. Он мог быть не в курсе событий 1918 года, да и 1920-го тоже. Так где же искать?

Возможно, часть разгадки — в приходно-расходной книге минералогического кабинета №1, которая хранится в минералогическом музее ПГНИУ. Там скрупулёзно отмечены все расходы, включая расходы на спички и т. д. Татьяна Рыбальченко, директор музея с 2009 по 2013 год, досконально изучила её и пришла к выводу, что коллекция Денисова-Уральского могла попасть в Пермь либо во второй половине 1918 года, либо во второй половине 1920-го. Именно на эти две даты падают значительные расходы на приобретение оборудования минералогического музея. В случае если найдутся доказательства, что коллекция была приобретена, это, возможно, поменяет к ней отношение со стороны руководства ПГНИУ. Потому что сейчас оно относится к коллекции Денисова-Уральского, как советское государство к золоту Приама: и сам не ам и другому не дам.

С другой стороны, руководство университета можно понять: оно не хочет, чтобы коллекция уменьшилась, потому что с момента попадания в Пермский университет историю коллекции Денисова-Уральского можно назвать историей утрат.

Акт от 6 мая 1930 года зафиксировал следующие утраты в минералогическом музее Пермского университета, по сравнению с 1928 годом: утрачена одна сова, пластинки из горного хрусталя, ручка из орлеца, рамка из ляписной лазури и т. д.

Ларцы серебряные с камнями сданы в Госбанк. Они оценены по рекордной цене — 510 руб. К слову, «модели на злобу дня русско-германской войны» в количестве семи штук оценены в 140 руб. — это те самые аллегорические фигуры, составляющие золотой фонд ПГХГ. В этом акте они помечены как сданные в художественный музей, а в документах галереи они проходят как поступившие из пединститута. Ещё в Госбанк были сданы серебряные брелоки и блюдо, оценённое в 70 руб. Как правило, оттуда работы уже не возвращались: шли на переплавку или продажу в пользу индустриализации.

Новое дыхание минералогический музей получил в 1937 году. Коллекцию показывали международному конгресу геологов. Для этих целей были сделаны новые витрины, которые можно увидеть и сейчас — всё советское время они были основными. Тогда же были выделены деньги на расширение и благоустройство музея.

Вплоть до 1960-х годов минералогический музей был «как все». И дальше, в общем, тоже: заведовать им брали лаборантов — женщин, которые ничего не понимали ни в геологии, ни в минералах. Но самое главное — там был проходной двор. Всё стало меняться, когда лаборантом приняли Зою Созыкину. Она нашла пыльные инвентарные книги и стала их продолжать, занялась изучением лотков, которые никогда не открывали, но самое главное — выжила из музея преподавателей, которые там принимали экзамены и беседовали со студентами. «Придёшь, — возмущалась Зоя Созыкина, — а дверь музея открыта и там никого нет!» То есть — заходи кто хочешь, бери что хочешь.

Почти так всё и получилось в 1976 году.

Здание, где находился музей, плохо охранялось. Легко открывались окна. Сигнализации, конечно, не было. Вор воспользовался этим: зашёл в здание вечером и спрятался в подвале. Как раз